

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 6 (4131)
Четверг,
14
января
1960 г.
Цена 40 коп.

В. ЛЕОНТЬЕВ ДВЕ СИСТЕМЫ, ДВА ПОДХОДА К РАЗОРУЖЕНИЮ

2 x 2 = 4 Слышу протесты читателей. Советские люди скажут, что здесь снова возмущаются азбучные истины: социализм и мир неразделимы; в капиталистическом обществе пока действуют силы, стоящие за вооружение, дважды два — четыре. Западные обозреватели не без злобства уличают меня в восхвалении одной системы из двух, которые должны мирно сосуществовать.

И все-таки молчать нельзя: на Западе снова начали усиленно доказывать, что дважды два — если не пять, то по меньшей мере стертая свечка. Мы вынуждены повторить: именно социалистический строй обеспечивает стране нелицемерное, последовательное миролюбие; строй капиталистический миролюбия не гарантирует.

Доказательства этих истин накоплены в изобилии со времени Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Особенно много доказательств было приведено в период 1917—1922 годов, в периоды 1922—1941, 1941—1945, 1946—1955, 1956—1959. Есть и совсем свежие.

ССЫЛКА НА ЗАПАДНЫЕ АВТОРИТЕТЫ Британский еженедельник «Трибун» в статье, принадлежащей перу священника Дональда Сопера, пишет:

«Американцы приветствовали Новый год сообщениями, что они больше не считают себя обязанными поддерживать решения временно прекратившие ядерные испытания. Русские приветствовали Новый год сообщениями, что они больше не считают себя обязанными продолжать гонку вооружений, даже если не будет всеобщего соглашения о разоружении... В этом, по существу, основное различие во взглядах».

Многие другие органы буржуазной прессы и многие буржуазные деятели высказывают разочарование крайней непопулярностью политики западных держав. Ведь на декабрьских совещаниях в Париже говорилось не о разоружении, а о вооружении.

Несколько приунывших было в 1959 году воинственные генералы снова взгляд и высказываются бодро. Пessimism распространяется среди английских и американских пацифистов, еще так недавно уверенных в том, что ведущие капиталистические державы будут не менее миролюбивы, чем державы социалистические.

Характерна ирония, с которой дал совет относительно лучших способов достижения мира и атомного разоружения известный британский пацифист философ Бертрам Рассел.

Он посоветовал своим друзьям и единомышленникам... доверить самоубийство перед парадной дверью премьер-министра Великобритании.

Это якобы единственный и наиболее надежный способ заставить все-таки правительства капиталистических держав пойти на реальные шаги, обеспечивающие разоружение, уничтожение водородной бомбы, смягчение международной напряженности.

ГОВОРЯТ ФАКТЫ Факельщики новой мировой войны нагло прошествовали в эти дни по улицам многолюдных западных городов. Знаки фашистской свастикой гордились не только на домах Бонна, Мюнхена, Западного Берлина, но и на зданиях Брюсселя, Рима, Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Вашингтона, Филадельфии.

Жителям Австрии неонацисты возвестили: — Мы вернемся!

В боннской Западной Германии —

Окончание на 4-й стр.

Доверие к человеку

ЖЕНЩИНА послала письмо в газету, издающуюся в исправительно-трудовой колонии. Она рассказала о том, как в двадцать семь лет стала инвалидом:

«Однажды в 1953 году я шла с работы около часа ночи. На меня с целью грабежа напали бандиты, они исколесили меня до неузнаваемости, изранили меня ножом, и вот с тех пор я седьмой год лежу прикованная к постели, не имея возможности самой передвигаться...»

У нее хотели отобрать жизнь, отнять молодость и здоровье, но не могли лишить возможности быть полезной для общества. Коммунистка, она нашла в себе силы учиться в заочном вузе, писать статьи и вести — в неподвижности — общественную работу.

«Мне хочется», — продолжала она, — сказать тем, кто находится в исправительно-трудовых колониях и имеет на своем счету не малые сроки: не надо высказывать объективные причины, из-за которых они встали на позорный, подлый путь уголовных преступлений. Таких объективных причин нет. Все дело в их слабости, бедности, нежелании думать, трудиться, мечтать о прекрасном.

И тоже росла без родителей, училась в ФЗО, не зная ни поблажек, ни особых условий... И мне порой крепко доставало от неумных и бездумных людей, какие еще иногда встречаются на нашем жизненном пути. Но у меня всегда была ясная цель — жить для народа, всегда была вера в мою Родину, Советскую власть. И это мне помогло всегда. Человек должен быть человеком».

Это письмо было послано в колонию по совету Олега Грудникова. Его книга «Комсомольский патруль» вызвала много читательских откликов. Среди них письма от лиц, осужденных за свои преступления. Автор завязал с ними переписку. Он начал сотрудничать в газете, издаваемой специально для них. Он стал их частым собеседником, советчиком, гостем. И он не ошибся, считая одним из сильнейших средств морального воздействия рассказ человека, на жизнь которого послали злодей.

В течение многих лет борьба с преступными и антиобщественными элементами велась у нас только лишь мерами административными, общественность в этой борьбе почти не привлекалась.

Сейчас мы не ослабляем, а усиливаем эту борьбу. Мы хотим не только резко снизить преступность, уменьшить число аморальных поступков, но и вовсе покончить с ними, избавиться от них. Для этого мало одного лишь карательных мер, которые в том же не всегда необходимы (в отношении малознакомых преступлений они вовсе излишни). На помощь должна прийти система общественного наблюдения, контроля, воспитания, социальной профилактики и нравственного воздействия на людей, переступивших границы законности и порядка.

Будет вполне естественно, если писатели вполне в состав товарищеских судов, наблюдательных комиссий и других общественных органов, заботящихся о борьбе с преступностью и охране порядка, будут выступать в качестве общественных обвинителей или защитников.

Голос писателя должен быть слышен в тех местах, где ведется кропотливая, трудная, большая работа по перевоспитанию правонарушителей. Много ли было за последнее время писательских выступлений в исправительно-трудовых колониях? Многие ли писатели участвуют в газетах, издаваемых для колонистов, пишут брошюры для них, ведут переписку?

Пленум во Львове

Во Львове начал работу второй пленум Союза писателей Украины. Открыл заседание Олесь Гончар. На повестку дня два вопроса: «Наша современность в жанрах рассказа и очерка» (докладчик Д. Копица) и «Об усилении общественных форм работы в писательских организациях Украины» (докладчик Ю. Смолич).

В работе пленума участвуют писатели областей Украины, Киева, Москвы, Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Львова. (Нам корр.)

И. ЭВЕНТОВ

с осужденными, встречаются с воспитателями?

Но главное — это хорошая книга. «Если бы вы знали, как нужна запутавшемуся человеку хорошая книга, как она помогает ему разобраться в самом себе и в окружающей жизни!» — сказал один из старых работников колоний.

А много ли теперь художественных произведений, посвященных советской исправительной педагогике?

Дневник ПИСАТЕЛЯ

Они были у нас раньше, и кто их забудет?

Иниером этой темы была Лидия Сейфуллина, автор небольшого рассказа «Правонарушители», который А. С. Макаренко назвал классическим. «Читай этот рассказ», — писал он, — «вы во всем тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть природной преступности, вера в лучшие человеческие качества», — уверенность, которая теперь уже для нас составляет несомненную истину. Эта вера в человека блестяще звучит у Горького, это то, что можно назвать оптимистической перспективой в подходе к человеку».

Когда Горький посетил колонию, он подошел к ней, по признанию Макаренко, «исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины». Этим проблемам и посвящает руководитель колонии свою замечательную «Педагогическую поэму», изданную через несколько лет после беседы с Горьким.

Новым жизненным материалом обога-

тилась эта тема в тридцатые годы, когда был предпринят опыт массового привлечения бывших преступников к созидательному труду.

«На грандиозных стройках общесоюзного значения, всеобщего значения», — писал Горький, — мы «перековываем» сотни и тысячи людей «социально опасных» в честных людей, предоставляя им возможность обнаружить свои способности и таланты в процессах труда». Эта «перековка» стала темой погодных «Апресторков». Приговала эта тема к себе внимание и других писателей — Афиногенова, Чумандрина, Зощенко. Сам Горький поднял эту тему в своем очерке «Соловки», вошедшем в цикл «По Союзу Советов».

Но вот уже почти два десятилетия благороднейшая тема не встает к себе художников слова. Она уступила место теме уголовного риска, технике ловли преступников и раскрытия преступлений. Сколько здесь бездумщины, примитива, откровенной литературщины и жалкого штампа!

Это относится не ко всем книгам, в которых действуют мастера рыцаря, разведчики, следопыты, милийские работники. Была здесь и удача. И вообще героика рыцаря, романтика милийской профессии не могут быть опровержены как темы художественных произведений.

Но даже при этом очевидно большое упущение писателей: они отошли от тем социальной педагогики, трудового и общественного воспитания.

Надо возродить в советской литературе тему «перековки» людей, «перековки» человеческих душ путем оздоравливающего действия на них труда и сознательной дисциплины. Надо поднять в литературе — уже на новой жизненной основе — тему доверия к опустившемуся человеку, к его способности исправиться, стать полноценным членом трудового коллектива.

Закоренные преступники пусть испытывают на себе всю строгость наших законов; но желающих исправиться пусть не рассчитывают на снисхождение. Но таких будет все меньше и меньше, и не о них сейчас речь.

(Окончание на 2-й стр.)

В ОДНОМ ЦЕХЕ

Несколько дней провел наш фотореспондент Михаил Трахан в моторном цехе Владимирского тракторного завода. Мотор принято считать сердцем трактора, следовательно, цех, выпускающий моторы, — сердце завода.

Поршневники — так называют членов бригады коммунистического труда, которой руководит Капитолина Шиброва. Эта бригада занимается изготовлением поршней и моторов тракторов. В миновшем 1959 году бригада дала сверх задания поршней на 1250 тракторов! Вот они, члены бригады (слева направо): Мария Климанова, Зоя Панцова, Нина Асеевина, бригадир Капитолина Шиброва, Анатолий Лобанов, Тамара Блохина и Нина Рыбакова.

См. 2 стр.

Разговор шел о главном

12 и 13 января в Москве состоялось заседание Художественного совета по кинематографии при Министерстве культуры СССР.

Главная тема заседания — вопросы идеино-художественного уровня нашей кинематографии, ее успехи и просчеты в работе над современной темой.

«Советская художественная кинематография и современность» — так назывался доклад режиссера С. Герасимова. Говоря о важнейшей роли кино в идеинном воспитании советского народа, об огромных задачах, стоящих перед нашим искусством в эпоху развернутого строительства коммунизма, С. Герасимов подчеркнул, что, несмотря на отдельные успехи нашего кино, общий уровень фильмов, посвященных современной теме, не может нас удовлетворить.

С. Герасимов резко критикует ряд картин за идеиную мелкотрагичность, поверхностность, пошлость, говорит о тенденциях ремесленничества.

Интересный, острый доклад С. Герасимова вызвал оживленные прения, в которых приняли участие режиссеры, актеры, сценаристы, операторы Москвы, Ленинграда, союзных республик, представители различных творческих союзов.

Ярослава Васильевича Смелякову «вместо критики на поэму «Строгая любовь»:

«В аул, где ветер выл сурово,
Крутой Чапн снелся вдали,
Стихи поэта Смелякова
Ребята в школу принесли.
В эту ночь я даже не заснула
(В окошко месяц хрюкал бровь),
В горах, под городом Джамбулом,
Прочла я «Строгую любовь».

Учительница Е. Холкина сообщает поэту, что «Строгую любовь» перевела на казахский язык Гульнара Эзенова, и потом все вместе читали поэму в школе.

Мы просмотрели сотни читательских писем к писателям. Есть в этих письмах общая черточка: чем больше полюбилась книга, тем старательнее перекашивают ее содержание автору. Если сложить все письма читателей, адресованные Вадиму Михайловичу Коженину по поводу его «Заре навстречу», то получится в три раза больше толстых, чем тот, что написал писатель.

«Уважаемый Вадим Михайлович! Прочтала Вашу книгу «Заре навстречу», долго не могла прийти к себе. Несколько дней мы ходили печальные и думали о ваших чудесных героях, о замечательных революционерах — первых людях, на которых сыпался удары парков, которых мучили в застенках царские палаты, которых выслали в самые суровые места Сибири. Но никакие издевательства, никакие лишения не сломили стойкого духа мужественных людей. Они самоотверженно боролись во имя великого дела, которое, как путеводная звезда, манило их вперед к вершинам коммунизма».

«Если Вам не будет трудно, то, пожалуйста, ответьте нам, почему Вы, заканчивая роман, обрываете судьбы героев. Оттого, что вы о них умалчиваете, нет конца в книге, а нам кажется — конец книги должен быть оптимистичен. Покажите же судьбу Ваших героев...»

С глубоким уважением

Лысково Ана,
Минутко Никита».

Пятилетний Сережа уже второй год переписывается с Самуилом Яковлевичем Маршаком, одним из старейших наших писателей.

Вот одно из его писем:

Уважаемый товарищ писатель...

МЫ ОБРАТИЛИСЬ к ряду писателей с просьбой: «Покажите самые интересные письма, которые прислала вам почта за минувший год».

Один сказал, что писем он получил много — несколько тысяч, но это в большинстве своем «положительные» отклики на его новый роман, и он считает неудобным публиковать их; другой заметил, что не так просто определить, какое письмо самое интересное, и предложил нам взять любое, какое понравится; третий... Впрочем, всех возражений не перечислим.

Леонид Максимович Леонов сказал: «Неинтересных писем не бывает вообще», — и протянул нам обильную пачку конвертов — почти последних дней.

Письма, присланные людьми самых разных профессий, говорят об одном: о глубоким вниманием читателей к творчеству писателя.

«Большое русское спасибо Вам, дорогой писатель, за Вашу вдохновенную, кровью написанную поэму о лесе...» — пишет из Казахстана учитель Антоенко. Художник Е. Куценко из Львова сообщает о том, что он собирается предпринять путешествие по местам, описанным в «Русском лесе» с тем, чтобы иллюстрировать так любящуюся ему книгу.

В письме из Болгарии инженер Коста Бояджиев из города Бургаса рассказывает, как восторженно был встречен у него на родине «Русский лес». Инженеры и техники — лесоводы устроили читу и обсуждение книги, а служащий Гого Аспостолов, получив новоозонную премию «за добра службу», купил 20 экземпляров романа и подарил их сослуживцам. Тираж романа, сообщает К. Бояджиев, быстро разошелся. Автор письма от всего коллектива благодарит Леонида Леонова за роман и поздравляет с высокой правительственной наградой.

Читатель и писатель — сколькоми невидимыми, но крепкими узлами связаны они, как близки друг к другу! Недавно опубликован новый роман Михаила Семеничука Бубеннова «Орляна степь».

Всего несколько месяцев прошло с тех пор, как напечатан роман, а сколько писем получил автор! В числе сотен конвертов

«Уважаемый тов. Бубеннов!

Мне очень нравится Ваша «Орляна степь»... Под впечатлением прочитанного сделала несколько рисунков. Имею еще незаконченные и обложку, выпущу их позже, если позволите.

С уважением, к Вам, по Лопухинке Ломоносовского р-на, Ленинградской обл. Зверозовхоз, Лысаковой Н. М.»

Можно, конечно, спорить о профессиональных достоинствах этих рисунков, но одново великодушного качества у них не отнять — они рождены любовью к нашей литературе и посланы автору «Орляна степь» от чистого сердца.

Содат Анатолий Клепаков пишет автору романа «После свадьбы» Даниилу Александровичу Гранцину:

«Я с очень большим интересом читал и перечитывал по несколько раз отдельные места в книге и восхищался настойчивости и упорству ее героев, богатству их душевного мира... Хотелось пожелать как автору, так и издателю, чтобы побольше выходило в жизнь книг, героями которых являлись бы люди наших дней, строители коммунизма».

«Мне так и кажется, что вы писали про наш совхоз, про наших людей и про меня», — пишет Гранцину главный инженер совхоза «Ругодево» Псковской области Фирюнов. Молодой специалист рассказывает о том, как он после окончания института попал в совхоз, о трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. Он делится с писателем своими заботами, волнениями и мечтами...

...Сотни писем получают ежедневно наши писатели. Пишут прозой, пишут и стихами. Вот несколько строк, адресованных

го даже боялся. Что я сделал? Я просто Вас прикинул к корове, чтобы Вы после удаю пили молоко. Ведь мы уже тогда уважали писателей и, хотя молоко для нас тогда считалось особым деликатесом, для литературы было не жалко.

Пишу это письмо из колхоза имени Григория Ивановича Котовского, который 7 ноября отмечал 35-летие. И в этот день было открытие комнаты-музея Г. И. Котовского и деятельности Коммуны и колхоза. Я там поставил на стенде три книги о нашей Коммуне... С Вашей книгой «Колхида» было очень трудно. Ее давно уже нигде невозможно приобрести, и мне пришлось получить уникальный экземпляр в библиотеке имени В. И. Ленина и перепечатать на машинке в пяти экземплярах. И вот теперь, читая Ваши книги колхозной молодежи, я при чтении их делюсь воспоминаниями о тех трудных днях, когда Вы гостили в нашей Коммуне. Чтобы молодежь знала, как ее отцы и матери дрались за коллективизацию и за ту жизнь, к которой нас везет партия В. И. Ленина. Ведь молодежь в то время очень многого не имела из того, чем сегодня пользуются молодые колхозники. Но и в те трудные времена это была молодежь — огони! И из нее толк вышел. Вот Аркадий Кучер — Вы пишете в своей книге, что ему не было времени даже погулять, так как он был нарядчик и, кроме того, имел большие нагрузки. А сейчас тов. Кучер — ответственный моряк, подводник, имеет звание контр-адмирала.

А Шура Жетенева, помните его партия, а ныне жена, во время Отечественной войны была военным летчиком, а сегодня мать четырех детей, один сын уже инженер парит качествами славы. Миша Сиверский, беспризорный пацан, которого Коммуна воспитала, — он пошел во флот, где и работал корабельным коком, а сейчас шеф-повар в одной из винничных больниц. А семья Колодяных! Да, эта скромная семья давала много хороших и сильных людей, среди них есть и врач, и партийные работники. А Миша Довгал, про которого Вы тоже писали, ныне агроном в другом колхозе имени Котовского, который в Молдавии. Нам, колхозникам, приятно, что и из Вас за это время тоже вышел писатель...

Надо ли комментировать это письмо? Вряд ли. Мы смогли показать на газетной полосе лишь ничтожно малую долю писем, адресованных нескольким известным писателям, но и этот краткий обзор, нам кажется, говорит о многом.

«Здравствуйте, уважаемый тов. Лев Кассиль! Вас приветствует бывший коммунар Бессарабской с.х. коммуны имени Котовского, Ободовка (ныне колхоз имени Г. И. Котовского) Гажалов Н. А. Вы, наверное, помните меня. Вы приехали к нам в Коммуну в весну 1930 года, когда шла коллективизация и вокруг нас было неспокойно: кулацкие подонки поднимали бунты и восстания. Я в то время исполнил обязанности председателя Коммуны, так как тов. Левинский В. Ф. был в командировке в Америке по изучению посева кукурузы.

Вот, как сейчас, передо мной молодой юноша, приехал из Москвы писать о нашей Коммуне. Мы жили тогда еще не совсем сытно. За зиму запасы сильно подстарились. Я все думал, чем Вас подкормить, так как был тогда писатель Лев Кассиль такой худой, что я за

Ирина БАЗАРОВА

В ОДНОМ ЦЕХЕ

Спасарь Бенямиин Вашилов выгоняет по две с половиной — три нормы, мечтает стать техником, а потом и инженером. Сейчас он еще учится в 8-м классе школы рабочей молодежи, но смотрит вдалеке. Кто же усомнится в том, что через несколько лет наш фоторепондент не заснет его в студенческой аудитории!

Доверие к человеку

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Мы решительно противостоим реакционной буржуазной литературе с ее культом индивидуализма, с ее нравственным кодексом несправедливости личности, врожденной преступности человека, с утверждением звериных первобытных инстинктов, якобы извещающих присущих людям и определяющих их поведение.

Наша литература должна показать пути благотворного влияния общества на человека, борьбу за правдивое, гармоничное развитие личности, за создание наиболее благоприятных условий для жизни. Героями наших книг должны стать активисты и участники этой борьбы — не только административные работники и криминалисты, но и скромные общественники-добровольцы, взявшие на себя разнообразный и большой, почетный и полезный труд.

Надо усилить помощь советской печати и пропаганде общественных форм борьбы с преступлениями, в бичевания распушенности, свертословия, паразитизма, всякого рода аморальных поступков.

Тогда как тому назад вышла книга А. Вальсера «Наследники Тимура». Ее почти не заметила критика. По тиражу своему она не могла претендовать на большую известность. Между тем она стала весьма полезным делом: она стала вносить в жизнь новые формы тимуровского движения.

Юные герои этой книги взяли под наблюдение жизнь своего двора: они предали недостойные выходы озорников и хулиганов, охраняли от них девочек и малышей, занимались спортом и играми ребят, досуг. Сделав свою работу увлекательной, нескудной, организовав домовый клуб для детей, заинтересовав всех маленьких жителей двора, они сумели не только парализовать группу хулиганов (чьей было не втянутых в преступление триннадцати «жучков»), но и взять их к себе на воспитание, доверив им участие общей работы.

Обо всем этом рассказано занимательно, интересно, с налетом загадочности, необычности, с пониманием психологии ребят (впрочем, и с некоторыми слабостями, крайне характерными для книг о детях: наименее убедительны в них образы взрослых).

И книга дошла до читателей. Уже организуясь домовые клубы для детей по примеру «наследников Тимура». Движение обретает новые формы. В некоторых городах ребята практикуют «спраздники двора», «дни Тимура», квартальные сборы тимуровских команд.

Книга заинтересовала и наших зарубежных друзей. В Ленинградский Дом детской книги пришло письмо от читателя литературы из г. Брюн (Чехослова-

вия). «В нашей стране,— пишет он,— молодежь знает и любит таймуровского Тимура. Я уверен, что, познакомившись с повестью А. Вальсера, она так же горячо полюбят и его наследников — тимуровцев нашего времени».

Но это лишь один из примеров того, как наблюдательный, знающий жизнь и чувствующий время писатель может содействовать воспитанию молодежи.

Чтобы каждый человек был человеком, сознанием свою «превосходную должность», чтобы не было преступлений, чтобы никто не нарушал жизни и труда строителей коммунизма,— над всем этим стоит работать каждому писателю.

СЛОВО ДЛЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ДЕЛО, видимо, в привычке. А сколько времени у пассажира уходит на то, чтобы пройти по коридору в поезде? Больше трех часов, в лучшем случае. Что же происходит? Скорость поезда возросла в несколько раз, а время, необходимое человеку, чтобы добраться от пункта Горького до Невского поезда, сократилось лишь в полтора раза. Почему? Да потому, что культура минуты соблюдается только в воздухе, борьба за экономное время идет только на этом отрезке цикла.

Аэрофлот обещает пассажиру: «Аэро-104» доставит его от Москвы до Ленинграда за 55 минут. И тут все правильно. Действительно, маршрут вычисляется маршрутом графика по минутам и секундам. Но что происходит до и после полета?

Вы приобретаете билет от Москвы до Ленинграда. Вас предупреждают: за час до старта самолета вы должны быть на аэровокзале, в Шереметьево. И услужливо предлагают ехать автобусом-экспрессом от площади Революции. Цель час убит на то, чтобы проехать через весь город к аэропорту, и тут, вместо того чтобы сразу сесть в самолет, нужно томительно ждать еще час. Зачем? Багаж? Да, но у вас в руках традиционный чемоданчик командировочного.

Может быть, хотят заранее убедиться, что все пассажиры в сборе, что никто не опоздал? Да, но, если кто-то и опоздал, самолет все равно не задержится на стартовой площадке. Машина садится на Ленинградском аэродроме. «ТУ» имеет два выхода. Конструктор предвидели, что выпустить 100 пассажиров в одну

В О ВРЕМЯ

В О ВРЕМЯ поездки по Сибири подобрали мы как-то на дороге машинистку и довели ее до колхозной пасеки, где ее товарищи строили омшаник. Ребята в благодарность за услугу угостили нас обедом, сваренным тут же на костре. Разговорились... Подоспел пассажир с дымящем в одной руке и рамкой меда в другой, присоединился к беседе. С виду это был средних лет простой человек, оборванный, небрежно одетый. Речь же его выдавала человека интеллигентного.

— Вы давно здесь работаете? — спросила я.

— Третий год. И до этого восемь лет работал на совхозной пасеке.

— А до совхоза чем занимались? Заговорили о другом, а когда умолкли, он неожиданно сказал:

— Прежде я занимался совсем другим... На заводе работал. Дым, жара, копоть... Нет, думаю, это не для меня! Жизнь-то дается один раз. Бросил все и ушел на пасеку. Чистый воздух, покой, мед... Не знаю, известно ли вам — пчеловоды по долготелю на первом месте...

— А что вы бросили в городе? — запылались, спросила я сама студентка, которую мы подвелили. — Работу? Или семью тоже? Семья у вас была? — Жена и две дочери были. Теперь, небось, тоже студентки уж...

— Ну и как себя чувствуете? — спросила я. — Лучшее! — Сравнение никакого... Лет десять выиграл...

На обратном пути, в машине мы заговорили.

— Он свою жизнь спасал, — заступался за пассажира шофер Володи.

— Свою спасал, три чужих загубил, — заметил секретарь райкома Петр Андреевич. — Нет, это последнее дело — так за свою жизнь дрожать! Во имя этого жить?

— А вы во имя чего живете? — спросил Володя.

Но тут нас так тряхнуло, что мы бросили все разговоры. Дорога была ужасной, ухаб на ухабе, и старенький райкомовский газик, любящий прозванный «Ваской», наконец, забуксовал и встал.

Пока Володя и Петр Андреевич копались в моторе, я сидела у скрам и размышляла над вопросом Володи.

Петр Андреевич мог бы ответить на этот вопрос, рассказав свою жизнь. Родился он в семье железнодорожника в 1905 году. Мальчишкой стал работать в депо. В 1920 году вместе с отцом поддали свои заявления в партию. Отца приняли, сына отказали: «Мал, ступай к комсомолу!» Петр стал комсомольцем, а через четыре

ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

году, в Ленинский лагерь, — коммунистом. И с тех пор жизнь его неотделима от партии. Понадобились коммунисты на селе, и двадцатипятилетний Петр Носков поехал в деревню. Потом учился в коммуну в Свердловске, поступил в аспирантуру, но... стал пилотом. Во время войны Петр Андреевич был комиссаром дивизии. В сорок шестом году из-за последний контузии его демобилизовали. И поехали на партию. Вот уже шестой год Петр Андреевич Носков руководит Новосибирским сельским райкомом партии, награжден орденом Ленина.

Мне было известно, что временами Петра Андреевича мучают жестокие головные боли — отголосок контузии. Вероятно, и ему не вреден был бы чистый воздух, мед, покой... Я невольно улыбнулся.

«Васка» на время был усмирнен. Мы сели в машину: Петр Андреевич за руль, я — рядом. Володя — сзади. Но прежде чем включить зажигание, Петр Андреевич повернулся к Володе:

— Во имя чего жить, спрашиваете? Многое еще сделать надо. Дороги вот починить, поднять урожай, моторы опять же могут быть поучнее... Да и несмысленные вроде тебя развешивать надо: где спасение жизни, а где трусость, дезертирство от жизни. Ну-ка, «Вася», поехали!

И началось единоборство крепкого, веселого человека и старенького, выдавшего виды, райкомовского газика.

ЛЮДИ ЖИВУТ по-разному. Одни живут, «как складывается», другие сами строят свою жизнь. Но и строить жизнь можно по-разному. Самое главное — «во имя чего?»

В Новосибирске живет Николай Семенович Симаков. Он работает старшим инженером в одном из отделов совхоза.

В начале войны раненый пограничник Симаков попал в плен. Три с половиной года пробыл он в фашистском концлагере Бухенвальд. Там Николай Симаков возглавил подпольную военно-политическую организацию.

О подвиге бухенвальдцев, в жестоких условиях фашистского плена созданных массовую, строго конспиративную организацию, подготовивших и подымавших вооруженное восстание, много писали.

Но вот передо мной живой человек, герой этих ставших известными всему миру событий. Среднего роста, худощавый, с высоким лбом. С пристальным, внимательным взглядом и застенчивой улыбкой. Я смотрю на него, слушаю и думаю: какие нравственные качества определили его роль в этих событиях, что именно поставило на главе их этого скромного, тогда

ЖИЗНЬ — ТЛЕНИЕ И ЖИЗНЬ — ГОРЕНИЕ

еще совсем молодого человека? Он был сержантом. В организацию входили и старшие офицеры — были и полковники, и подполковники. Что заставило их поддерживать этого пареня, подчиняться ему?

Была подвиг мгноверный, как молния. Но подвиг бухенвальдцев и, в частности, Симакова, — подвиг многолетний, сопряженный с ежедневной в течение ряда лет опасностью. Этот подвиг требовал огромного ума, выдержки, мужества и громадной, перекрывающей страх за себя любви к людям.

— Не надо писать об ужасах фашистского ада, — сказал мне Симаков. — Пишите о мужестве. О мужестве тех, кто преодолел и этот кошмар, кто жила и оставался Человеком вопреки всему.

И он снова и снова рассказывает о своих товарищах по борьбе. О том, как сначала они боролись «все-навсего» с самодовольством, о том, как трудно было раздобыть лишней пай хлеба для награждавшегося товарища, о том, как организация завоевывала мелкие и вместе с тем жизненно важные должности: рабочие при кухне, уборщика в блоке, санитаря и ставила на них своих людей. Он говорит о том, как удалось наладить интернациональные связи, о разнообразных формах саботажа на военных предприятиях, где использовался труд военнопленных. О создании подпольного арсенала. О военном обучении в условиях подполья. О подготовке восстания. О восстании.

Симаков рассказывает о подпольной школе для детей, существовавшей в Бухенвальде.

— Среди нас были деткиши — наши, советские деткиши. Подпольная организация раздобывала для них дополнительное питание, подбирала педагогов, разработала программу.

Я слушаю Симакова, и мне вспоминается давний рассказ Леонида Андреева об Елсазаре — Лазаре, живя в народе чудо, воскресил Христос. Чудо спасителя не пошло впрок. Лазарь не смог преодолеть смертного холода, оставшегося у него в груди. Ужас от увиденного «по ту сторону жизни» навсегда засыл в глаза Елсазара, и каждый, кто встречал его взгляд, начинал тосковать страшной тоской, терял интерес ко всему и в конце концов погибал...

Трудно представить себе что-нибудь страшнее того, что выдвинул Симаков и его товарищи.

Однако не смертным холодом веет от серых глаз Николая Симакова. От них веет несокрушимой энергией, готовностью продолжать борьбу со злом.

Уходя на свободу, узники Бухенвальда дали клятву: не забывать и не давать другим забыть! Не допускать возрождения фашизма!

Николай Симаков живет, выполняя эту клятву. Наряду со своей производственной работой, много времени он отдает общественной деятельности: выступает по радио, на заводах. Сильно, познание на борьбу, живя в его душе. Симакову пишут со всех концов страны, пишут и из других стран...

Во все-таки, почему же именно Симаков встал во главе подполья? Что определило его роль вожак?

— Товарищи поставили, — улыбуешься, ответил Симаков.

А его товарищи по лагерю, с которыми а позже встретился в Москве, ответили так: — Право на руководство дали Симакову его высокие человеческие качества. Да, конечно, ум, воля к победе, доброта к людям и еще одно — скромность.

ТАКИЕ, как Николай Симаков, — люди героического плана. О них надо писать. На примере их жизни надо воспитывать юношество.

Но я — о другом. Есть люди иного порядка. Жизнь ставит перед ними задачи куда меньшей трудности. Но они опускают руки. Одна женщина говорила мне:

— Все кончилось для меня в тот день, когда умер муж. Все, чем я жила почти тридцать лет. Я часто думаю о самоубийстве, но у меня никогда не хватит на это решимости. А жить не для чего... Если бы были дети... Детей нет. Работы

В этом краю дремучих лесов и светлых рек познакомились мы с геологами. Молодежный коллектив их жил общей, единой, очень наполненной жизнью. Обедая в начале партии Ф. П. Дудковского. В нем удивительно органично сочетались интеллект и мужественность, твердость и добросердечие. Ребята были попросту влюблены в своего начальника. А он... он платил им тем же.

— Погодите, не читайте! — остановил он поэта, читающего отличные стихи. — Сейчас пойдут ребята...

Он не мыслил наслаждения в одиночку, сказал как-то Дудковский. — Я не могу забыть о погибших товарищах. Многие из них были лучшими, сильнейшими, молодцами. То, что они погибли, а я выжил, — слышу. И потому теперь я жизнь воспринял как чудо.

Коммунист, он почти с пантеистической любовью к жизни говорил о своей работе, в которой романтика слетается со строгой наукой, поиск — с расчетом, день нынешний — с завтрашним.

— Я хочу, чтобы молодежь это понимала, чувствовала. Чтобы мои молодые друзья жили и за себя, и за тех, кто погиб... Жизнь-то дается один раз!

Ведь так же говорил пассажир... Но совершенно противоположный — и высокий! — смысл приобрели те же слова в устах Дудковского.

ЛЮДИ (не все, по многим) умеют жить, умеют думать о жизни, разговаривать о ней. И, слушая их, наблюдаю, радуясь или негодуя, невольно думаю о писательском труде.

Конечно, и в наше время следует, как писал Пушкин, пробуждать в людях добрые чувства и прославлять свободу и сострадать слабым. Но требуется еще и другое.

Помочь таким, как Николай Симаков, живущим, «выполняя клятву», поддерживать их, поощрять, поощрять себя одной, своей работой вызвать одобрение секретаря райкома Носкова, пригласить к позорному столбу себоялюбца и карьериста...

Наше время — новое время. И наша страна — вперед. Именно у нас прокладываются новые пути жизни, складываются новые отношения, воспитываются новые люди. Писать о них и для них — это ли не самая достойная писателя задача?

Моторный цех — цех высокой механизации и автоматизации. Труд механизирован здесь на семьдесят процентов. Однако некоторые (как, например, вот эта работница) переоснащают возможности станков-автоматов...

— О ВАШЕМ женишене столько ходит легенд и сказаний. По-моему, это самая настоящая экзотика. — говорила профессору Сладневичу Зинаида Ивановна Гутникова, — а человек трезвый и предпочтительно действующий на более прозаическом поприще... Вот мои медонсы, они очень много обещают нашему приморскому хозяйству... Разговор этот происходил лет десять назад, когда встал вопрос о женишене. Никто из работников Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук не хотел браться за женишене. В самом деле, это что-то очень далекое от нашей жизни... Однако потом Зинаида Ивановна задумалась над предложением профессора. Китайская медицина утверждает, что женишене — великий восстановитель и регулятор здоровья. Запасы дикорастущего корня исчезают катастрофически. В Корее, даже в Японии на Хоккайдо разводят женишене. В Приморье — его родные места... Почему же нам не поработать с ним?

И Зинаида Ивановна сказала профессору:

— Я займусь этим корнем.

С несколькими сотрудниками отправилась она в Спутинский заповедник, получила семена... Долго рассматривала она маленькие невзрачные зерна...

Что мы знаем про женишене? Только то, что он горное растение, капризное, прихотливое, выбирающее для своей жизни никому не известные условия... Контакт с корейскими биологами у нас тогда не было, а китайские ученые, широко используя целебную силу корня, выращивают его в культурных условиях, в саду, не занимались Зинаида Ивановна и сотрудниками приходилось идти ошупью.

Посадили семена.

Сколько тропок было проложено на плантации среди ильмов, орехов, кедров! Сколько ожиданий и тревог: не покажутся ли ростки, не пробиваются ли к свету...

Два года ожидали, на третий, весной, когда потерявшая всякую надежду Зинаида Ивановна однажды утром пришла на плантацию, у нее захватило дух: она увидела по всему полю нежные, светлые, чудесные ростки. Они взошли дружно, так и хотелось сказать: по комоду!

Это был день настоящей радости. Никто не уходил с плантации.

Смотрели, наблюдали, появились первые записи... Казалось, все будет благополучно. И все было благополучно до дождя. Дожди пошли, как будто обычные летние дожди, но женишене стал хиреть.

Почему? Вероятно, на плантации много света... Ведь женишене любит тень... И стали прикрывать растения. Однако они не поправлялись. Хирела, пропадала листва, пожелтел стебель, гнил корень...

В маленьком домике в заповеднике поселилось уныние... Но нужно было работать, надо было найти причину.

Большая часть плантации располагалась в долине, на ровном месте... А вот те растения, которые оказались на склонах сопек, те остались здоровыми. Не сразу установила Зинаида Ивановна, что женишене болен не от обилия света, а от обилия влаги.

Плантацию перенесли на новый участок. Там и почва была лучше, и кустарник убрал, и чаща прорезана, чтобы дать спокойный доступ полезному рассеянному свету.

Весной на плантации пал заморозок

и убил цвет. Пал внезапно, не предупредив приметами... Что будет? Новые тревоги и страхи.

Но оказалось, что заморозок не повредил корням. Цвет погиб, а весенняя пробужденная сила пошла в корень. Растения сразу окрепли.

Так, шаг за шагом жизнь и наблюдения давали знания о природе корня, о его симпатии и антипатиях. Зинаида Ивановна привыкла к своим питомцам. Для нее они были уже чуть ли не одушевленные. И не могла она не испытывать чувства радости, когда Совет Министров подтвердил ценность и необходимость работ по женишене, постановив создать промышленные плантации в заповедниках Дальнего Востока.

Зимой 1951 года приехала комиссия для того, чтобы наметить места, где разбить промышленные плантации. Места наметили, смету составили — 22 миллиона!

О корне тогда знали мало. Не разумее ли обогатить с промышленной плантацией? Ведь можно запросто побугить народные деньги.

Снова занялись кропотливым изучением сроков посева, пересадок, влияния влаги, света, соседних растений на женишене.

«Прошли годы. Женишене раскрыл свои секреты. В наступившем году можно уже осуществить решение правительства о промышленной плантации. Наконец, фармакология получила ценные дары природы. Казалось, вопрос решен... Теоретически — да. Практически — нет.

У плантации до сих пор нет хозяйки.

Ни Министерство сельского хозяйства, ни Министерство здравоохранения не принимают в свои руки важное дело...

ВИЛАР (Всесоюзный научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений) заинтересован женишене. Но он не может разводить его под Москвой. Нет, слез, прекрасное дело разводить женишене под Москвой. Но под Москвой иные природные и климатические условия, которые неизбежно внесут изменения в биологию корня. Московский женишене — это еще предмет для лаборатории, а не для промышленности.

Но, быть может, Министерство здравоохранения, в ведении которого находится ВИЛАР, право: на Дальнем Востоке у него нет нужных ресурсов. Естественнее всего Министерству сельского хозяйства принять плантацию под свою высокую руку... Тем более, что место для промышленной плантации уже найдено. Это пчеловодский совхоз в Ивановском районе Приморья, директор которого не протестуется, а хочет, чтобы именно у него начала свое существование плантация.

Александр Сергеевич Покв в край исполком занял сельским хозяйством. По поводу женишеневого совхоза он сказал:

— Напрасно вы думаете, что министр сельского хозяйства возьмет себе ваш совхоз!

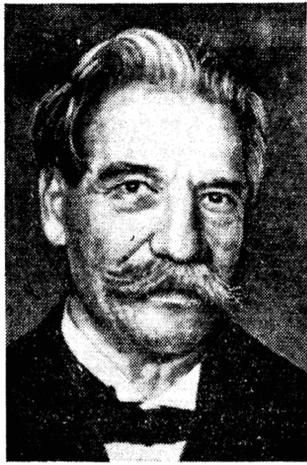
Но мы думаем, что именно Министерству сельского хозяйства возьмет в свою систему промышленный совхоз, будущий женишеневый совхоз. Промышленный выход корня обеспечен. На опытных участках только в 1959 году было собрано 125 килограммов сухих товарных корней с высокой биологической активностью. Чего же опасаться? Новизны дела? Но новизны делами наши люди как раз и славны.

Павел ДАЛЕЦКИЙ

ВЛАДИВОСТОК

Большая душа и светлый разум

СЕГОДНЯ исполняется 85 лет лауреату Нобелевской премии мира доктору Альберту Швейцеру выдающемуся борцу за мир, замечательному ученому-труженику, чудесному человеку.

Альберт Швейцер — человек огромной эрудиции, и люди знают его как талантливое музыкально-органное, автора классического трагедии об Исаии Себастьяне Бахе, админом философа, чьи труды переведены на многие языки мира, самоотверженного врача-просветителя, борющегося за жизнь негров в болотистых джунглях Африки. И, наконец, как неутомимого борца против атомной смерти, за запрещение оружия массового уничтожения.

Жизненный путь Альберта Швейцера — удивительный пример служения ближнему и человечеству. Он родился в 1875 году в эльзасском городке Кайзерберге и провел детство в Гюнцблехе. Учился в Страсбурге, а затем в Сорбонне. К тридцати годам Швейцер был уже известным музыкантом, видным писателем, получил диплом философа и богослова, а затем окончил медицинский факультет.

Став врачом, Альберт Швейцер уехал с женой в глубь Африки и поселился в тропических лесах и болотистых джунглях. Лухое местечко Ламбарене стало постоянным местожительством четы Швейцер, и с тех пор они ведут неутомимую, мужественную борьбу за жизнь африканских негров. Они построили больницу, которая стала культурным центром Африки. Много тысяч негров спасены от тропических болезней, от неизлечимых недугов.

Альберт Швейцер — великий гуманист, страстный, решительный противник войны. Когда во время второй мировой войны ему, как немецкому подданному, предложили вернуться на родину, он с гневом отверг это предложение. Французские военники арестовали его. После окончания войны Альберт Швейцер, оставившись в Африке и работая в больнице, с неутомимой энергией борется за прекращение испытаний термоядерного оружия. 23 апреля 1957 года радиостанция в Осло на его языке, в том числе и на русском, передала его речь с требованием прекратить преступную игру со смертью.

С тех пор Альберт Швейцер не прекращает борьбы за мир и счастье человечества. Кажется, что время не коснулось его, — так велика его энергия.

Мы публикуем отрывки из брошюры Альберта Швейцера «Мир или атомная война» и исполненное с любовью скромности и гуманизма письмо, присланное им в редакцию «Литературной газеты».

Редактору «Литературной газеты»

БЛАГОДАРИЮ за Ваше любезное письмо. Простите, пожалуйста, что отвечаю с таким опозданием. Дело в том, что сразу по приезде из Африки в Европу я отправился в путешествие и вернулся в Базель только на днях, когда настало время готовиться к отъезду в Ламбарене. В этом длительном путешествии я не имел возможности регулярно заниматься своей корреспонденцией. Только сейчас возвращаясь я смог предпринять попытку разобраться в ней и начал отвечать на полученные письма. Ваше письмо — одно из первых, на которые я отвечаю.

Я тронут тем, что Вы считаете меня человеком, стремящимся служить делу мира и имеющим свое собственное свободное суждение о проблеме упорничия.

Мира на земле в нашу эпоху, я, действительно, стремлюсь служить делу мира и буду стремиться к этому опозданием. Дело в том, что сразу по приезде из Африки в Европу я отправился в путешествие и вернулся в Базель только на днях, когда настало время готовиться к отъезду в Ламбарене. В этом длительном путешествии я не имел возможности регулярно заниматься своей корреспонденцией. Только сейчас возвращаясь я смог предпринять попытку разобраться в ней и начал отвечать на полученные письма. Ваше письмо — одно из первых, на которые я отвечаю.

Я тронут тем, что Вы считаете меня человеком, стремящимся служить делу мира и имеющим свое собственное свободное суждение о проблеме упорничия.

Во. Именно оно и требует их прекращения, имея на это все права.

Если в нашем культурном наследии еще остались какие-то следы подлинных прав человека, если они хотя бы частично еще проявляются, то государство, которое до сегодняшнего дня производило опытные взрывы, должно безоговорочно отказаться от них.

...Нельзя терять время. Недопустимо, чтобы опасность, угрожающая нам, усугубилась новыми взрывами. Увы,

Осло. Я вынужден избегать чрезмерных напряжений: этого требуют мой возраст и громадная работа, которую мне приходится вести изо дня в день в моей большой больнице в Ламбарене, где со мной вместе работают еще 5 врачей, 14 европейских медсестер и 12 фельдшеров из местного населения. Надеюсь, вы поймете мои доводы. Однако, если мне случится написать статью, представляющую для Вас интерес, я Вам ее пришлю. К этому письму я прилагаю текст своего выступления по радио в Осло, объединенные в брошюру «Мир или атомная война». Можете опубликовать те страницы, которые Вам покажутся достойными внимания.

Преклонный возраст и перегруженность работой не позволяют мне предпринимать большие путешествия, и я приезжаю в Европу, как правило, редко и ненадолго.

Передайте, пожалуйста, мой привет г-же Маритте Шагинин, которая так тепло писала обо мне в 1957 году.

Я и впредь буду отдавать все силы борьбе за мир. Все мы должны предпринять решительно вместе добиваться сохранения мира, от которого зависит судьба человечества. Необходимо, чтобы общественное мнение всего мира поняло: рассматривая вопрос о войне, которая неминуемо превратится в войну атомную, нельзя ни на секунду упустить из виду, что она повлечет за собой чудовищные последствия. Мы должны проникнуться этой мыслью и стремиться, чтобы это осознал весь мир.

Примите наилучшие пожелания от преданного Вам Альберта ШВЕЙЦЕРА. БАЗЕЛЬ, декабрь 1959 г.

«Литературная газета» от 20 июня 1957 г.

ДВЕ СИСТЕМЫ, ДВА ПОДХОДА К РАЗОРУЖЕНИЮ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Социалистическое государство кровно заинтересовано в мире. Его цель — высокий, еще невиданный ни где и никогда уровень жизни людей. Это и есть коммунизм, общество, о котором мечтали самые лучшие люди в течение многих веков.

Для нас — это аксиома, не требующая доказательств. Для идеологов капитализма — это самая опасная и «запретная» черта системы социализма. Если о ней узнают миллионы трудящихся капиталистических стран, — случится беда. Во-первых, социализм станет еще более привлекательным. Во-вторых, все поймут, что не «коммунизм» готовит агрессию против всех и всех, а... кто-то совсем другой готовит подлинную агрессию против социалистических стран.

Профессор ГОТОВА К УСЛУГАМ Дикие измышления буржуазных выкрики кардиналов и генералов, угрозы невыявленных нацистов «мы вернемся» — все это не может удовлетворить сейчас то узкое, но влиятельное в капиталистических государствах меньшинство, которое настаивает на продолжении холодной войны. Нужны «серьезные», «научные» доказательства... «агрессивности» коммунизма.

И вот они налицо. Преподаватель Массачусетского технологического института в США У. У. Ростоу выступил с серией лекций в Англии и публикует их сейчас в других европейских странах. Он, видите ли, создал свою собственную «теорию роста», развития государств и противопоставляет ее марксистскому учению. «Извратить марксизм, обогатить коммунизмом, обвинить Советский Союз в стремлении к мировому господству — вот в чем состоит, коротко говоря, смысл длинных рассуждений Ростоу», — сказано в содержательной рецензии, посвященной анализу этих лекций журналом «Проблемы мира и социализма».

Британский еженедельник «Экономист», опубликовавший текст лекций профессора Ростоу, рекомендовал «Литературной газете» ознакомиться с ними, выступить с Ростоу в «дискуссию». Но дискуссию не о чем. Автор этих строк внимательно прочел лекции массачусетского «новатора». Что же оказывается? Бесчисленные главы и подглавы сочинения Ростоу, посвященные характеристике развития различных государств за последние полтора-два века, приурочены только для того, чтобы «доказать», что... нет никакой разницы между государством феодальным, капиталистическим, социалистическим в отношении склонности этих государств к войне и агрессии. Ростоу не только детально «намекает» на возможную угрозу агрессии со стороны Советского Союза или Китайской Народной Республики, но и упорно подчеркивает, что без войны социалистические государства вообще жить не могут, что «коммунизм» — это такая любопытная форма общества, которая создает условия роста, но якобы «захиреет» в условиях мира и высокого потребления.

Вот такие «научные» сочинения и нужны поджигателям ненависти и холодной войны.

Но поверит ли сейчас кто-либо профессору Ростоу? Едва ли. Ведь его вымыслы построены на клевете, на крайне неумном толковании фактов и исторических явлений нашей эпохи.

Первое в мире социалистическое государство, Советский Союз, должно было в исключительной короткой исторической срок ликвидировать отставание России от других индустриальных держав. Как в годы первых пятилеток, так и в годы, последовавшие за вхождением гитлеровских агрессоров, СССР вынужден был строить и восстанавливать свою экономику в тяжелых условиях внешних жортов, многочисленных трудностей и угрозы. И все это Ростоу бесстыдно истолковывает как намеренный «откат» СССР от «повышения благосостояния» ради завоевания мирового господства. Интересно, что может сказать Ростоу о нашем семилетнем плане, который предусматривает небывалый по быстроте роста размер народного потребления, сохраняя высокие темпы развития всех отраслей тяжелой индустрии?! Впрочем, ясно, что скажет Ростоу: Советский Союз возвращается еще сильнее, Западу надо возмущаться. За это профессору и говорят.

Совсем о другом надо сейчас дискутировать на страницах наших, американских, английских и прочих газет: о том, как лучше, поскорее, без провокаций осуществить план всеобщего и полного разоружения, внесенный Советским Союзом в Организацию Объединенных Наций. Известный французский обозреватель Клод Бурде писал недавно в «Франс обсерватер», что идея разоружения становится все более популярной в Соединенных Штатах Америки. Она, по его словам, приобретает с каж-

Если бы жил Шолом Алейхем...

В МЕМУАРНОЙ литературе сохранилось описание праздничной двенадцатилетия литературной деятельности Шолом Алейхема.

Было это поздней осенью 1908 года, когда Шолом Алейхем достиг вершины литературной славы и... материальных невзгод. Юбилейный комитет провел сбор пожертвований для выкупа у частных издателей «права на издание и переиздание всех написанных и еще не написанных произведений господина Ш. Рабинвича (Шолом Алейхем)». Состоялись также встречи юбиляра с читателями. Очевидцы этих встреч в Вильноне, Одессе, Барановичах и других городах и местечках рисуют веселый образ одного из непревзойденных «весьельчаков», великого юмориста. Грустные, словно посыпанные пеплом глаза, сутулившаяся спина, изможденный, усталый вид. Во время поездки по стране Шолом Алейхем заболел туберкулезом, что и свело его вскоре после юбилея в могилу...

Трудно себе представить более печальную историю, чем та, которую мы здесь рассказали. И все же Шолом Алейхем не был тогда одинок. Порою он был даже счастлив среди простого народа.

Я думаю об этом, и мне хочется пофантазировать. Допустим на минуту, что Шолом Алейхем дожил до своего столетия, выпавшего, как известно, на прошлый год. Допустим также, что, задушевный и слегка смущенный, он сам заходит на вечера, читки, концерты, устраиваемые в его честь во многих странах мира. Заглянул он в зрительный зал театра «Габимо» в Тель-Авиве, зашел в гостеприимный парижский зал «Мютюалите» и, наконец, сняв галюши у вешалки и сказав по-русски «Здравствуйте», направился к залитой светом сцене московского Дома союзов.

В «Габимо» юбиляр подсел к столу рядом с двумя израильскими министрами. Но, несмотря на такую честь, настроение у него куда мрачнее, чем тогда, в 1908 году. Но почему?

Потому что на израильском вечере Шолом Алейхем был одинок. Один он говорил там на языке, на котором писал, то есть на народном еврейском языке идиш. Хозяева же вечера, те, кто по случаю праздника выдал визу на въезд в еврейское государство еврейскому писателю Шолом Алейхему, говорили на древнееврейском языке, на котором Шолом Алейхем сознательно отказывался писать потому, что широким соседствующим литератур.

Наоборот, было бы большим достижением, если бы наша критика, развивая сравнительный метод, опиралась на опыт всех братских литератур. К сожалению, пока она еще не в состоянии «освободить» даже литературу соседних республик, без учета которой часто нельзя исчерпывающе объяснить закономерности и особенности развития собственной национальной литературы.

Кто же виноват? Вряд ли целесообразно искать «ответчиков» поименно. Бесспорно, многие из неповиновения рецензий и отзывов, о которых говорилось выше, могли бы быть написаны и автором этих строк, как и другими нашими критиками. Но, очевидно, суть дела не только в недостатке личной инициативы. Мне кажется, что здесь более всего повинна атмосфера нашей литературной жизни, в которой все еще живучи «местничество», замкнутость, нежелание взглянуть на литературные явления в широком всеобщем масштабе. Вопросы, о которых я говорю, не новы. Воспоминание председателя статьи невиньянина И. Киселева, которая так и была озаглавлена: «Смотреть со всеобщей вышины». Нельзя не согласиться с К. Зеллинским, который в статье, опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (№ 7 за 1959 г.), напомнил о «неудовлетворительном положении с комплексным изучением процессов, происходящих в советской литературе как многонациональной литературе».

Развертывая марксистское сравнительное изучение братских литератур, мы должны постоянно помнить о «сравнительных» и обобщающих функциях советской критики — критики многонациональной.

Вильнюс

дым днем все больше приверженцев в самых различных кругах, в том числе среди крупных промышленников и видных политических деятелей.

Это прекрасно. Но надо активизироваться всем сторонникам действительного и полного разоружения. Надо спорить с такими, например, утверждениями многих органов буржуазной прессы, что без организации предварительного «обторжения над существующими вооружениями» проблема вообще не может двинуться с места.

Надо спорить и с многими другими возмущениями реакционной прессы, опасющейся, что разоружение принесет экономический крах, массовую безработицу системе капитализма.

Кстати: почему-то опасный расчет того, что разоружение принесет какой-нибудь ущерб или «крах» системе социализма, нигде не раздается...

А пока что — если говорить не о прессы, а о государственных деятелях Запада, — как было бы хорошо, если бы они сделали что-либо конкретное для уменьшения тонны вооружений, сделали хотя бы шаг в сторону разоружения!

НА СНИМКАХ: японская полиция разгоняет демонстрантов.

ЯПОНСКИЙ НАРОД ГОВОРИТ «НЕТ!» «ДОГОВОРУ БЕЗОПАСНОСТИ»

16 января премьер-министр Японии г-н Киси поедет в Вашингтон, чтобы подписать так называемый «договор безопасности» между США и Японией.

Новый договор несет японскому народу новые тяготы и лишения, новые бремя военных расходов. Окупающиеся войска на основе нового «договора о безопасности» остаются в Японии еще на 10—15 лет, а остров Окинава выходит из-под японской юрисдикции Япония обязуется увеличить свой военный потенциал и участвовать в операциях «другой договаривающейся стороной». В современных условиях, когда Япония превращена в крупную иностранную военную базу, это чрезвычайно опасными последствиями.

Японский народ решительно выступает против политики кабинета Киси — политики предательства национальных интересов. По всей стране прокатилась мощная, еще не выданная по своим масштабам и единству волна протестов. Народ говорит «Нети» новому «договору безопасности».

НА СНИМКАХ: японская полиция разгоняет демонстрантов.

НА СНИМКАХ: японская полиция разгоняет демонстрантов.

А из Москвы действительно поступали «плохие вести»: шестиместное собрание сочинений Шолома Алейхема с небывалым для еврейской литературы тиражом — 225 тысяч экземпляров, сборники произведений писателя на еврейском, русском и украинском языках, критико-биографические исследования И. Серебряного, Г. Ременина о Шолом Алейхеме, многочисленные статьи о нем в журналах и газетах, вечера и концерты в десятках городов страны...

Но для действий Москвы всегда есть готовое объяснение: пропаганда! И вот в один голос затрубили сионистские и «социалистические» еврейские газеты — «Унзер ворт» и «Унзер штиме», Нью-Йоркский «Фортсет» и другие. «Не-ет» — кричали они, — что то здесь не гладко... Наверное, юбилей Шолом Алейхема — это заговор Москвы и коммунистов».

Вот как прогрессивная «Найе прессе» описывает реакцию желтой печати на выход в Москве сборника избранных произведений Шолом Алейхема на еврейском языке: «Сперва они отмахивались, затем попытались отделиться скептически «говорят, но...» и утверждением о том, что «нигитто» не впечатлено, а составлена из сфотографированных страниц». И наконец, когда первоначально изданная книга была похвалена в Москве, они стали ругать непристойными словами Советский Союз за то, что он поощряет еврейский авантюризм. Желтые газетчики, по-видимому, считают, что еврейский авантюризм пригоден лишь для составления хвалебных гимнов Аденауэру и Шпейделю...»

В Тель-Авиве некий М. Гроссман, злобный антисемитчик, писал в своем листе: «То, что Москва издала Шолом Алейхема в оригинале, повергло нас в уныние». Далее Гроссман советует правительству Израиля «сделать жест и также выпустить сборник Шолом Алейхема на еврейском языке». Однако правительство Израиля не захотело «сделать жест». Министр просвещения, тот самый, который в «Габимо» воспользовался своим выступлением о Шолом Алейхеме для антисемитской клеветы, резко высказался против издания произведений писателя в Израиле.

В дни своего юбилея Шолом Алейхем зашел как-то и в парижский зал «Мютюалите». Здесь по инициативе прогрессивной организации «Унион» состоялось многолетнее «даждание» (так парижане называют ответственные собрания). Когда на сцене появились советские артисты Александровичи, Каминна, Лифшиц, Вальтер и Горюнов, ликование не было юнгом. Трудящиеся евреи, сидевшие в зале, приветствовали это проявление культурного обмена между странами. Они видели в приезде советских артистов на вечер памяти Шолом Алейхема знак сердечного уважения и к народному писателю, и к еврейскому народу.

А вот как отозвался на приезд московских артистов реакционная газета «Унзер штиме»: «Это одно из самых трагических событий, постигших парижских евреев с тех пор, как закончилась война».

Повертев в руках «Унзер штиме», великий юморист, как это можно себе легко представить, захотел высмеять ее патологический антисемитизм. Я не берусь предугадывать, как Шолом Алейхем сделал бы это, если бы он дожил до наших дней. Но одно я знаю наверняка: он бы это сделал!

НАЦИОНАЛЬНОМУ СИНДИКАТУ ПИСАТЕЛЕЙ ИТАЛИИ

С чувством глубокой горести узнали советские писатели о смерти старшей итальянской поэтессы Сибиллы Алерамо, искреннего, большого друга нашей страны.

Стихи Сибиллы Алерамо, ее роман «Женщина», одна из последних ее книг «Россия — высокая страна» пользуются заслуженной любовью советского читателя.

Выражаем наше искреннее соболезнование семье, друзьям и коллегам покойной писательницы.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НАША КРИТИКА — МНОГОНАЦИОНАЛЬНА!

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

критики и роман Н. Садковича и Е. Львова «Георгий Скорина». А ведь деятельность белорусского просветителя Георгия Скорины тесно связана с древней Литвой и живо интересует литовскую общественность.

Белорусский писатель Ф. Пестрак издал роман «Встретимся на баррикадах», где изображается также и революционное движение трудящихся Вильноса во времена панской Польши. Конечно, естественно ждать, что роман появится в литовском переводе, литовская критика даст его исчерпывающий анализ. Пока этого не сделано, и роман Пестрака мало известен в Литве.

Мы привели несколько примеров, свидетельствующих о незначительности литовской критики к важным явлениям соседней белорусской литературы. Но разве белорусская критика проявляет больше внимания и отзывчивости по отношению к литовской литературе? Пусть ответят на это сами белорусские критики!

За последние годы на литовском языке появилось немало переводов произведений литовской литературы: переводятся и книги литовских классиков Э. Райниса, Р. Блаумана, А. Пумура, Э. Вирзинек-Упита, К. Скалбе, Я. Янусударбия и книги А. Упита, В. Лациса, Ж. Гривы, А. Иммерманиса, В. Саулиты, Э. Вилкиса и др. Литовцы, действительно, могут похвалиться, что они перевели из литовской литературы в несколько раз больше, чем это сделали латыши по отношению к нашей литературе. Однако активность литовской

критики и в отдаленной степени не может сравниться с размахом переводческой работы — большинство переводов литовской литературы не получает широкого освещения в литовской печати, обычно не уделяется ей отдельные краткие и чаще всего малоинформационные рецензии.

Четыре года назад появился талантливо написанный роман эстонского писателя Р. Сирге «Земля и народ», повествующий об историческом периоде 1940—1941 гг. и о годах Великой Отечественной войны в Эстонии. Этот роман вскоре был переведен на русский язык и получил положительную оценку в центральной печати. Но до сих пор он не переведен на литовский язык. А ведь в переводе эстонского романиста есть немало общего с повестью А. Валтруаса «Дальние дороги», с только что вышедшим романом А. Венцповы «День рождения» и с некоторыми другими произведениями литовских писателей.

Как было бы интересно сравнить творческие усилия писателей прибалтийских республик, направленные на отражение одних и тех же исторических процессов в жизни и психологии людей, сопоставить достигнутые художественные результаты. Не приходится сомневаться — это было бы чрезвычайно полезно для дальнейшего развития как литовской, так и литовской и эстонской советской литературы.

Совершенно недостаточны взаимное действие, взаимосвязь, а отсюда и взаимообогащение в области самой критики и литературоведения.

Два года тому назад появился сборник статей К. Зеллинского «Литературы народов СССР». Автор, пожалуй, пер-

Из брошюры «Мир или атомная война»

Настала пора понять и признать, что вопрос о продолжении или прекращении испытаний термоядерного оружия должен рассматриваться в свете прав человека.

Эти испытания ставят под угрозу все человечество. Именно оно и требует их прекращения, имея на это все права.

Если в нашем культурном наследии еще остались какие-то следы подлинных прав человека, если они хотя бы частично еще проявляются, то государство, которое до сегодняшнего дня производило опытные взрывы, должно безоговорочно отказаться от них.

...Нельзя терять время. Недопустимо, чтобы опасность, угрожающая нам, усугубилась новыми взрывами. Увы,

в течение ближайших лет она так или иначе возрастет сама по себе. Этого надо остерегаться. Значительная часть радиоактивных частиц, выброшенных в атмосферу и в стратосферу в результате уже произведенных взрывов, остается там в измененном состоянии и парит над нашими головами. Должно пройти немало лет, — полагают, что около пятнадцати, — пока эти частицы не осадят полностью на землю.

Немедленный отказ от испытаний создаст благоприятную атмосферу для переговоров о запрещении применения атомного оружия. Эти переговоры будут происходить в обстановке относительной спокойствия, если безоглядательные и абсолютно необходимые меры будут приняты заранее.

То, что Советский Союз отказался от производства новых испытаний, имеет большое значение. Если бы Соединенные Штаты и Англия поступили так же, человечество смогло бы наконец избавиться от страха, вызванного

тем, что его существование угрожает непрерывно возрастающая радиоактивность в воздухе и на земле, являющаяся результатом продолжения этих испытаний...

Цель, к которой человечество должно идти сегодня и в отдаленном будущем, состоит в том, чтобы вопросы, разделяющие народы, решались не путем использования оружия, но в обязательном порядке становились предметом мирного урегулирования.

...Отказавшись от атомного оружия, наше поколение сделает первый шаг по пути, ведущему к далекой цели — ликвидации войны. Если же оно не откажется от этого оружия, то будет продолжать двигаться по пути, ведущему к атомной войне и к горю. Люди, которым предстоит встретиться на высшем уровне, должны полностью отдать себе отчет в этой альтернативе, если они хотят вести переговоры со всей объективностью, со всей серьезностью, с полным сознанием ответственности, возложенной на них.